

Семен Спивак: «СМЫСЛ ЖИЗНИ — ЗА ЕЕ ЧЕРТОЙ»

• ТЕКСТ | Наталья КУЗНЕЦОВА

В восемь часов вечера, когда я пришла беседовать с главным режиссером Молодежного театра на Фонтанке Семеном Спиваком, в театре шла репетиция. Актеры были отрешены, взгляд в себя, при этом, пробегая мимо, каждый со мной поздоровался. На секунду они выходили из образа, становились обычными людьми и тут же снова мчались играть что-то вечное. Спивак по-прежнему ставит светлые спектакли и пытается удержаться в воздухе, в любви. И строит театр, в котором бы играл каждый. Ансамблевый театр, оркестровый.

— На дворе кризис, а 13 февраля губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и вы в торжественной обстановке перерезали ленточку в новое здание Молодежного театра на Фонтанке. Жизнь продолжается? Это не пир во время чумы?

— Губернатор на совещании театральных руководителей сказала, что год кризиса она объявляет Годом театра. Поэтому открывается не только наше новое здание, но и новое здание театра «Буфф», восстановленное здание театра «Зазеркалье».

— Это отдельно взятый год в отдельно взятом городе?

— Я вижу в этом психологический момент. Идет кризис, хотя, насколько я смотрю телевизор, он становится немножко меньше. Это разумный выбор губернатора — в кризис мы будем уделять внимание искусству.

— Раньше творец и власть находились на разных полюсах. Какие у вас отношения с властью?

— Деловые. Пять лет назад губернатор поняла нашу проблему, что здание у нас небольшое, мы задыхаемся, и власть приняла решение: строить этот театр. И я, и артисты

власти за это только благодарны. Сейчас там осваивается пространство, есть ряд недоделок, в мае мы откроемся.

• **Есть национальный проект «Здоровье», национальный проект «Образование». А национального проекта «Культура» нет. Я не могу себе ответить на этот вопрос — почему. Любое государство выживает за счет своей культуры. Если нет культуры — не нужно ни образования, ни здравоохранения**

— А с этим зданием что будет?

— И этот театр будет работать — как старая сцена. А там будет новая сцена. Какая-то часть спектаклей здесь останется. Какая-то — уйдет туда.

— Театр называют храмом искусства. На какие пожертвования живет ваш храм?

— Ни на какие пожертвования Молодежный не живет. Только

на государственные дотации. И они не стали ни меньше, ни больше.

— Хватает их?

— Нам хватает.

— А бизнесмены в ваш театр вкладываются?

— Никогда они в нас не вкладывались. Ни один бизнесмен не вложил в нас ни одного рубля.

— Вы должны согласовывать расходы средств, которые получены от кассовых сборов?

— Все бюджетные организации заработанные средства отсылают в государственную казну. А потом на какие-то нужды нам выдаются деньги.

— Вашим артистам денег хватает?

— Думаю, что нет. Это единственная для меня грустная мысль. Пока не принято большого решения на уровне правительства. Если задуматься, есть национальный проект «Здоровье», национальный проект «Образование». А национального проекта «Культура» нет. Я не могу себе ответить на этот вопрос — почему. Любое государство выживает за счет своей культуры. Если нет культуры — не нужно ни образования, ни здравоохранения. Но я верю, что закон этот будет принят. Сейчас же произошла такая штука — было выбрано несколько театров, которые назначили лучшими. Там и зарплата больше нашей раз в пять-шесть.

— Может, их режиссеры активнее ведут себя на важных встречах?

— Не думаю. Просто наверху почему-то так решили.

— Актеров отпускаете на «халтуру»?

— На съемки отпускаю. А что делать? Раньше я конфликтовал с ними, сейчас принимаю это, иначе им действительно жить не на что. Но я очень рад, что именно наших приглашают, это значит, что кинорежиссеры чувствуют: артисты хорошо работают внутри — в кино же нельзя внешне работать.

— Иногда известнейшие театры занимаются скрытой коммерцией, делают аншлаги любой ценой: спектакли с двумя медийными актерскими лицами и двумя табуретками вместо декораций...

— У нас такое не практикуется. Мне даже в голову это не приходило. Мы не занимаемся коммерческим театром. Жизнь тяжелая, и, приходя в театр, мы должны возобновлять свои чувства. В этом мы видим призвание нашего театра. Очень много в жизни приходится думать, а в театре зрители наполняются чувствами, и начинается гармонизация организма.

— А духовность зависит от пустоты кошельков?

— Я знаю одно: чем больше говорят слово «духовность», тем ее меньше.

— Может, сейчас достаточно просто душевности?

— Душевный уровень — это уже хорошо, когда ты добр, приветлив, отзывчив. А духовный — когда ты понимаешь свою ответственность перед миром, перед Вселенной. Это сложнее.

— Как-то вы сказали мне: я ставлю спектакли про себя, и я живу в обществе, следовательно, болею теми же морально-нравственными болезнями, что и общество. Сейчас чем болеете?

— Можно посмотреть любой спектакль и увидеть это. Я болею теми же болезнями, что и вы. Ставить спектакль про себя трудно, надо быть очень откровенным. То, что происходит на сцене, — про всех в зале.

• Мы не занимаемся коммерческим театром. Жизнь тяжелая, и, приходя в театр, мы должны возобновлять свои чувства. В этом мы видим призвание нашего театра

— У театров пока есть преимущество перед кинозалами — спектакли из интернета не скачаешь. В театре можно пообщаться. Театр вечен?

— У нас всегда полный зал. Театр — вещь не техническая, живая, его ничто не может заменить. Это действительно общение. Единственная роскошь..

— На какие темы сейчас собираетесь общаться со зрителями?

— Мы сейчас ставим спектакль о том, как через много лет после женитьбы мужчина понимает, что такое семья. Это пьеса Эдуардо де Филиппо «Филумена Мортурано». Недавно выпустили замечательный спектакль

по пьесе Островского «Поздняя любовь» — режиссер Владимир Туманов. Алексей Янковский репетирует пьесу драматурга среднего возраста Ивана Вырыпаева «Валентинов день». Доводим до конца спектакль, который еще начали со студентами в институте по пьесе Александра Галина «Крыша».

— Следуете канонам или перекладываете пьесы на современный лад?

— Если спектакль живой, он всегда современный. Самые современные пьесы — это великие пьесы. Человек за последние десять тысяч лет не изменился. Изменилась только одежда.

— Да, и Онегина одевают в джинсы...

— Я такого не видел. Мы автора уважаем. Просто пытаемся понять, что он хотел нам сказать. Если понимаем, начинаем транслировать это зрителям.

— Как для режиссера для вас есть темы вечные?

— Конечно. Как у всех — жизнь, смерть, любовь, юность, зрелость, старость, дети...

— Маяковский считал, что театр — не отображающее зеркало, а увеличительное стекло. Согласны?

— Естественно. Потому что за три часа зритель видит, как человек может прожить целую жизнь. В этом смысле — увеличительное стекло. Театр — это сконцентрированная жизнь.

— Театр — идеология?

— Это всегда идеология. Сейчас говорят, что ее нет, и это смешно. Десять заповедей есть, значит, есть идеология.

— Какие возрасты сейчас соответствуют эпитету «молодежный» в названии театра?

— Все слои населения. Но в основном студенчество. Они во всем мире считаются лучшими зрителями. Не обременены семьей, работой, и у них есть огромная жажда встретиться с жизнью. У тех, кто ходит в театр.

— Они сидят с широко открытыми глазами?

— Зрители нашего театра — замечательные. У нас вообще свой зритель. И пока — тьфу-тьфу-тьфу — проблем с этим нет. Мы его любим. И работаем для него и для себя. Анализируя свою жизнь, рассказываем ему о его жизни.

— В одном из наших разговоров вы сказали: «Мы в театре занимаемся чистой душой и отдаванием энергии в зал». Свою душу чистите?

— Конечно! А как мы можем чистой заниматься? Репетиции, спектакль — это творчество, это молитва, это всегда обращение к Богу. Без высшей силы вообще спектакль невозможно сделать. И энергия уходит к зрителям, а они ее возвращают. Идет обмен. У нас вообще определенная энергетика в театре. Как говорят артисты, намоленное место.

— Так вы творите или работаете?

— Это очень тонкий вопрос. Мне как-то неудобно стало говорить, что я занимаюсь творчеством — это такая туманная фраза. Я думаю, все писатели XIX века работали, а не творили. Они реально строили роман. А занимались ли они творчеством или не занимались, решали уже другие.

— Считаете себя независимым человеком? Свободны в выборе?

— В выборе пьесы свободен. В распределении артистов — тоже. А в жизни, я думаю, мы все не очень свободны. Когда мы были в Германии на первых гастролях в 90-х годах, меня потрясло, что возле ресторанов или кафе сидят бродячие люди. Потом выяснилось, что они получают большую дотацию

от государства. Но им нравится нигде не жить, нигде не иметь крышу над головой. Вот они, наверное, абсолютно свободны. А в жизни человек несвободен от очень многих вещей. От долгов перед родными, от долгов перед своим призванием. Свободные люди живут в одиночестве, в скитах. В социуме стать абсолютно свободным невозможно.

— Не брюзжите сейчас с высоты своего возраста на молодежь?

— Нет, у меня есть курсы, я занимаюсь со студентами, мы находим общий язык. Хотя иногда меня что-то в них раздражает, как и их во мне. Но я и не считаю, что возраст мой уже солиден.

— А с дочерью Эмилией отношения дружеские?

— Творчески мы совершенно близки, а жизненно у нас более сложные отношения. Проблема отцов и детей существует.

— Что-то из того, что делает она, не принимаете?

— И она иногда не принимает то, что делаю я. Но я считаю, что у любого ребенка с родителями должен быть конфликт, иначе он не растет. Я ее конфликт понимаю, она, мне кажется, тоже его понимает. Есть же конфликты необъяснимые.

— Ваше увлечение восточной философией, Ошо в частности, продолжается?

— Я не занимаюсь этим серьезно, для меня это просто философия, а не практика. Не очень увлекался Ошо, просто почитывал его. Я йогой занимаюсь.

— В какие театры ходите?

— В любые — в БДТ, в Малый, в Театр Сатиры, недавно был в Театре Комиссаржевской...

— Нравится современный театр?

— Много нравится. Я люблю спектакли, в которых меня не прижимают, не унижают, а наоборот, говорят: ты держись.

— Как держаться-то? Деградация налицо...

— В Библии сказано: спасешься ты — вокруг тебя спасутся тысячи. Я считаю, что человек должен заниматься собой, своим внутренним содержанием. Если он выдержит, за него зацепится много людей, которые рядом. За меня, за наших артистов зацепились многие. И если такой подход будет и у других, деградация будет немножко меньше.

— Когда можно расслабиться, что делаете?

— Я умею делать страшную вещь — ничего не делать. Еще — почитываю. После серьезной работы нужно обязательно лениться. Это мой совет всем.

— По-прежнему солидарны с Достоевским, который сказал: «Не ищите смысл жизни, а живите»?

— Конечно! Дело в том, что живому человеку смысл жизни не понять. Истины на земле нет, мы можем только приближаться к ней в бесконечности. Я еще не бывал там, за чертой жизни, но думаю, что именно там сразу становится понятен этот смысл. Его объять невозможно, будучи в теле. А душа, я думаю, умнее.

В 1967 году Семен Спивак приехал в Ленинград из Черновцов. С собой у него было то, что мама положила в чемодан. И мама, которая была для него главным авторитетом, не разрешила поступать в театральный. Он пошел в Инженерно-экономический институт имени Пальмиро Тольятти. Окончил его по специальности «химик».

Потом Семен сказал, что работать по специальности не будет. Но год все-таки отработал — тогда было распределение. Под Лугой, на стекольном заводе. Мама сказала: приезжай домой. Но он остался у друга и жил на полу, причем без денег. А на следующий год поступил на режиссуру в ЛГИТМиК.

Во время учебы в институте, в 79-м году, начал работать в театре-клубе «Суббота». В «Субботе» поставил прекрасный спектакль по «Ромео и Джульетте». Он назывался «Старая Верона». Это был очень смелый спектакль, потом Семен стал осторожнее. Когда он вышел из комсомольского возраста, но еще не приблизился к возрасту Христа, поставил в Ленкоме спектакль, который прогремел на всю Россию и который закрыли через 22 представления — «Дорогая Елена Сергеевна».

В 1989-м получил предложение возглавить Молодежный театр и перешел туда вместе с группой артистов «Молодого театра».

По натуре — пессимистичный оптимист. Когда на душе у него скребут кошки, вспоминает китайскую поговорку: «Ночь темнее всего перед рассветом».